

Т.В. Блинова,
С.Т. Былина,
В.А. Русановский

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ИЗМЕНЕНИЯ ЧИСЛЕННОСТИ НАСЕЛЕНИЯ СЕЛЬСКИХ ТЕРРИТОРИЙ РОССИИ

DOI: 10.47711/2076-318-2020-466-482

Введение. Прогнозирование численности и возрастной структуры сельского населения является ключевым элементом в системе стратегического управления развитием аграрного сектора России, в которой важна оценка не только потенциальных рисков и угроз, но и возможностей. На основе данных демографического прогноза строятся кратко- и среднесрочные балансы трудовых ресурсов, оцениваются потенциальные потребности в объектах социальной сферы, конкретных формах медицинского обслуживания и жилищного строительства [1, с. 524]. Прогнозные расчеты используются для выявления стратегических рисков, обоснования программ экономического и социального развития территорий, оценки демографических тенденций и возможных изменений с точки зрения последствий для динамики численности населения, его половозрастной структуры [2]. Сценарный подход к прогнозированию позволяет определить результативность мер государственной демографической и семейной политики. Опыт разработки сценарных прогнозов и оценки перспективных демографических изменений накоплен научными школами Института социально-экономических проблем народонаселения РАН, МГУ им. М.В. Ломоносова, НИУ Высшей школы экономики и др. Прогнозы численности населения стран мира разрабатываются и пересматриваются экспертами ООН [3]. Построение прогноза демографического развития России до 2035 г. выполнено Росстатом [4]. Гораздо меньше исследований посвящено сценарному прогнозированию численности и структуры сельского населения.

Численность сельского населения России, по состоянию на 2019 г., составляла 37,3 млн. чел., из которых 19,8 млн. – лица

трудоспособного возраста [4, с. 15, 25]. В 2000-2019 гг. сельское население сократилось на 2143,4 тыс. чел. из-за естественной убыли и миграционного оттока молодых и квалифицированных кадров в города. Масштабы сокращения численности населения, которые на самом деле являются более значительными, занижены из-за административных преобразований некоторых городских поселений в сельские. Отличительной чертой сельских территорий является низкая плотность населения и неравномерность расселения, при этом наименее заселенной является азиатская часть сельской России, где большинство регионов продолжают «терять» население. Усиливающийся дисбаланс между размерами сельских территорий, превосходящих по площади некоторые государства, и низкой плотностью населения ухудшает геополитическое положение нашей страны. Со стороны соседних государств с высокой плотностью населения усиливается миграционное давление на приграничные и близлежащие территории РФ, повышаются риски «демографической экспансии». Исследователи неоднократно обращали внимание на то, что функции удержания и хозяйственного освоения сельских территорий являются не менее важными, чем обеспечение продовольственной безопасности страны [5].

Россия продолжает укреплять продовольственную безопасность и увеличивать экспортный потенциал, превращаясь в крупнейшего мирового экспортера продовольствия, что формирует мощные стимулы развития, дает дополнительные доходы для улучшения условий жизни сельских жителей и обустройства социальной сферы села [6, с. 56]. Наряду с расширением экспорта сельхозпродукции, источником роста аграрной экономики является импортозамещение на внутреннем рынке, в том числе продовольствия, произведенного с помощью небезопасных технологий генной инженерии. Россия имеет уникальную возможность расширения экологически чистого производства не только путем освоения современных технологий, но и за счет вовлечения в оборот новых пахотных земель. Расширение производства и увеличение экспорта продовольствия обеспечивают создание новых рабочих мест, в том числе высокотехнологичных. Ограничением выступают как низкий уровень развития производственной, транспортной, логистической и социальной инфраструктуры, так и нехватка необходимых кадров. Таким образом, «демографический дефицит» выступает вызовом социально-экономического развития сельских территорий, ограни-

чивающим выбор стратегий технологической модернизации АПК России и программ устойчивого сельского развития.

Целью исследования является построение прогноза изменения численности и структуры сельского населения России в кратко- и среднесрочной перспективе. Разработка и описание сценарных условий прогнозирования базируются на анализе динамики показателей рождаемости, смертности, итогов сельско-городской миграции и оценке изменений структуры сельского населения по возрасту и полу. Концептуальной основой объяснения демографических изменений выступает теория демографического перехода, положения которой способствуют более глубокому пониманию колебаний индикаторов воспроизводства населения в среднесрочном периоде. Доминирующей тенденцией демографического развития сельских территорий являются сокращение рождаемости и перестройка ее возрастного профиля, в разной степени затронувшие регионы России. В научной литературе проблемам низкой рождаемости, не обеспечивающей замещение поколений, посвящено немало работ, обсуждающих ее основные причины [7-9]. Одни ученые считают, что причинами низкой рождаемости являются институциональный кризис семьи, разрушение семейных ценностей и снижение потребности в детях, что «увеличение пособий на детей улучшает условия реализации низкой потребности, но не повышает саму потребность в детях в краткий период репродуктивного родительства» [10, с. 41]. Другие – акцентируют внимание на недооцененной роли гендерного неравенства и недостаточной институциональной поддержке работающих матерей, которые несут двойную нагрузку [7]. Необходимо также учитывать, что современный спад рождаемости имеет циклическую природу, а меры, направленные на поддержку семей с детьми, способны лишь замедлить его темпы, но не обеспечить рост рождаемости (как это было в 2000-2014 гг.). Следует отметить, что депопуляция сельских территорий из-за спада рождаемости, старения возрастной структуры населения, переезда молодежи в города характерна не только для России, но и многих экономически развитых стран [11].

Анализ демографических изменений. Разработке прогноза предшествовал анализ демографических тенденций в сельской местности (2000-2019 гг.). Отмечено, что российское село переживает период неблагоприятных изменений, связанных с демо-

графическим старением возрастной структуры сельских территорий, спадом рождаемости и сокращением численности лиц трудоспособного возраста [12]. В результате сокращения населения рабочих возрастов происходит сжатие предложения рабочей силы на рынке труда и повышение демографической нагрузки. Следует отметить, что значения суммарного коэффициента рождаемости (СКР), так же как и общих коэффициентов рождаемости в России в последние годы, вполне вписываются в «европейский ряд». В частности, суммарный коэффициент рождаемости в России составляет 1,6 (2018 г.), Великобритании, Норвегии, Германии – 1,6 (2017 г.), Дании – 1,8 (2017), Италии и Испании – 1,3 (2017) [4, с. 249].

Как показано на рис.1, в сельской местности России, где рождаемость традиционно выше, чем в городской, суммарный коэффициент рождаемости увеличился с 1,554 (2000 г.) до 2,318 (2014 г.), затем сократился, составив 1,870 (2018 г.) [4, с. 45]. В городской местности максимальное значение СКР периода 2000-2018 гг. было достигнуто в 2015 г. – 1,678, после чего он сократился до 1,489 (2018 г.) [4, с. 45].

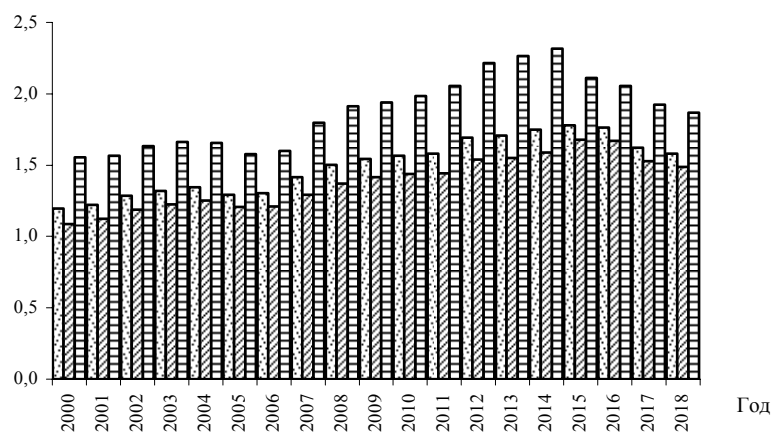

Рис. 1. Суммарный коэффициент рождаемости (СКР) городского (▨) и сельского (▧) населения РФ (родившиеся живыми на одну женщину), 2000-2018 гг. (все население ▩)

Российские ученые, исследуя закономерности изменения возраста материнства, интервалы между рожденьями, сравнивая индикаторы желаемого и ожидаемого числа детей, пришли к выводу о крахе потребности в трех и более детях. Анализ изменения

репродуктивных установок российских семей свидетельствует, что падение суммарного коэффициента рождаемости ниже 2,1 рождений на одну женщину было неизбежным и привело к преобладанию фактической однодетности и двудетности среди семей с детьми [10]. Дифференциация общих коэффициентов рождаемости в европейских странах невелика – от 12,9‰ в Ирландии (2017 г.) до 8,2‰ в Греции (2017 г.). В России этот показатель составляет 10,9‰ (2018 г.) [4, с. 247]. Максимально низкие значения СКР сельского и городского населения, так же как общих коэффициентов рождаемости, отмечены в 1999 г., после чего начался их рост, как в сельской, так и городской местности. Динамика общих коэффициентов рождаемости городского и сельского населения России в 2000-2018 гг. представлена на рис. 2.

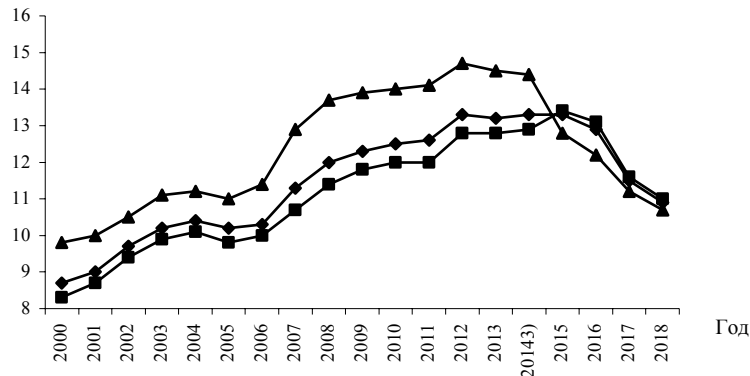

Рис. 2. Общие коэффициенты рождаемости городского (■) и сельского (▲) населения РФ, 2000-2018 гг. (все население –◆)

На рис. 2 видно, что в 2000-2012 гг. значение общего коэффициента рождаемости возросло с 9,8 до 14,7 промилле, а затем сократилось до 10,7 (2018 г.) [4, с. 39]. В городской местности значение этого показателя увеличилось в 2000-2015 гг. с 8,3 до 13,4 промилле, сократившись затем до 11,0 (2018 г.). Негативными тенденциями демографического развития сельских территорий являются сокращение численности женщин репродуктивного возраста и понижение возрастных коэффициентов рождаемости в группах 20-24 и 25-29-летних женщин. Численность и возрастная

структура сельских женщин 15-49 лет, по данным на 1 января 2019 г., представлена на рис. 3.

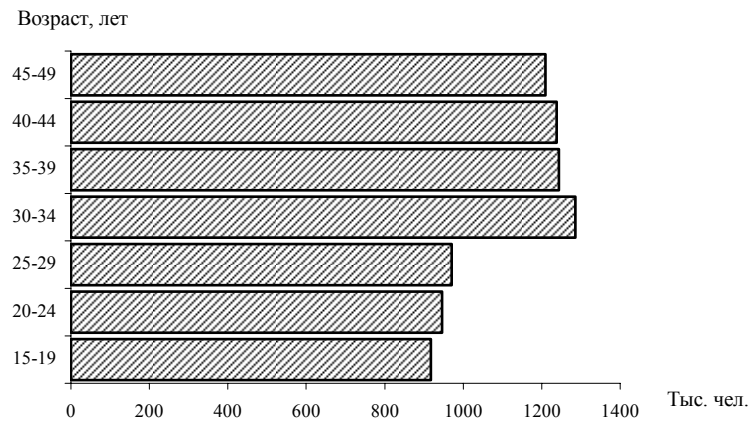

Рис. 3. Численность и возрастная структура сельских женщин 15-49 лет, 2019 г.

Российские исследователи указывают на уменьшение числа потенциальных матерей из-за сокращения численности женщин репродуктивного возраста в России. Следует согласиться, что «росту или даже сохранению числа рождений будет препятствовать постоянно сокращающееся с 2015 г. число женщин активного репродуктивного возраста (25-39 лет), на которых приходится 4/5 всех деторождений» [13, с. 53]. В России «их численность сократится с 17,9 млн. чел. в 2015 г. до 15 млн. чел. в 2024 г. и до 12 млн. чел. в 2030 году» [13, с. 53]. В сельской местности численность женщин репродуктивного возраста уменьшается с 2007 г., и этот нисходящий тренд в ближайшей перспективе продолжится. В активном репродуктивном возрасте в настоящее время находятся немногочисленные когорты сельских женщин. В ближайшей перспективе число входящих в репродуктивный возраст не замещает число выбывающих, равнозначного замещения не наблюдается и в возрастной группе 25-29 лет, тем более в составе 30-34-летних. Вместе с тем, в предстоящие 5 лет увеличится численность женщин в возрасте 15-19 лет и 35-39 лет, однако сократится число 30-34-летних.

Нельзя не заметить, что если рождаемость в России незначительно отличается от показателей европейских стран, то различия

в уровне и структуре классов причин смертности населения являются существенными. Таким образом, с одной стороны, демографические изменения в России совпадают с мировыми тенденциями, с другой стороны, имеют свои отличия, одним из которых является высокая смертность населения. Смертность сельского населения выше, чем городского, а смертность мужчин, как в городской, так и сельской местности, выше, чем женщин. В сельской местности гендерный разрыв в ожидаемой продолжительности жизни при рождении наиболее высоким был в 2005 г. и составлял около 14 лет. К 2018 г. он сократился на 3,5 года, составив чуть более 10 лет. Сопоставление возрастной модели смертности в России с образцами экономически развитых стран указывает на неоправданно высокую смертность мужчин трудоспособного возраста, особенно в сельской местности РФ (рис. 4).

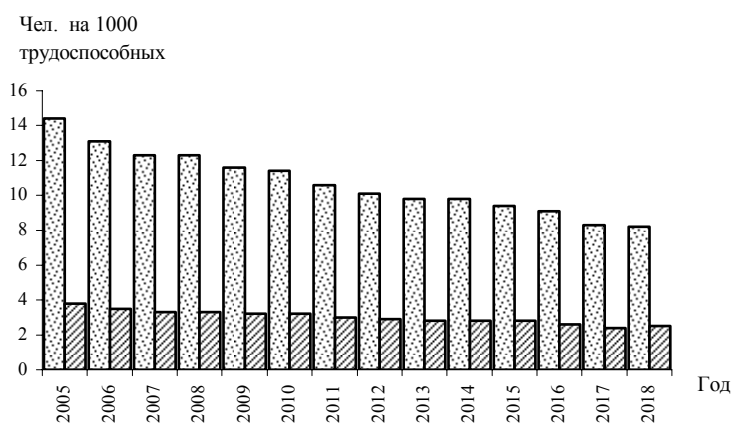

Рис. 4. Общие коэффициенты смертности сельского населения в трудоспособном возрасте, чел. на 1000 населения:
 □ мужчина; ▨ женщины

Другой российской особенностью является высокая доля внешних причин в структуре классов причин смертности мужского населения. Из данных рис. 4 видно, что вместе с понижением уровня смертности сокращаются гендерные различия, однако, несмотря на снижение смертности мужчин трудоспособного возраста, ее уровень остается высоким. Анализ показывает, что существуют резервы сдерживания процесса депопуляции сельских

территорий за счет реализации комплекса мер, направленных на снижение смертности (особенно преждевременной и предотвратимой) и увеличение продолжительности жизни сельского населения. Изучение факторов роста продолжительности жизни сельского населения показало, что высокий уровень профессионального образования положительно влияет на продолжительность жизни сельчан, так же как хорошее качество жилья и доступность медицинской помощи. Помимо факторов среды, на величину ожидаемой продолжительности жизни влияют личностные и поведенческие факторы, в частности, курение, злоупотребление алкоголем, наркотическая зависимость негативно влияют на здоровье сельчан, способствуя преждевременной смертности населения. Расчеты показывают, что статистически значимым фактором, отрицательно влияющим на ожидаемую продолжительность жизни сельского населения, является высокий уровень безработицы. Отмечена также отрицательная связь между долей населения с доходами ниже прожиточного минимума и ожидаемой продолжительностью жизни, что объясняется неблагоприятными условиями проживания низкодоходных семей, нехваткой средств на поддержание здоровья, низким качеством жилья, отсутствием денег для полноценного отдыха [14].

Развитие социальной, производственной, транспортной инфраструктуры и создание современных высокооплачиваемых рабочих мест будут способствовать снижению миграционного оттока жителей из села, который в расчете на 10000 населения возрос с 9,7 чел. в 2016 г. до 18,6 в 2018 г. (рис. 5).

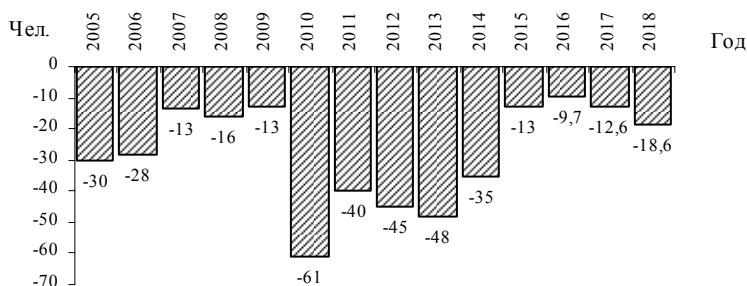

Рис. 5. Коэффициенты миграционного прироста сельского населения РФ, чел. на 10000 населения

Как видно на рис. 5, в 2005–2010 гг. коэффициент миграционного оттока сельского населения увеличился в два раза, а именно с 30 до 61 чел. в расчете на 10000 населения. В 2010–2015 гг. отрицательное сальдо миграции сельского населения сократилось до 9,7, но в дальнейшем почти удвоилось и составило 18,6 чел. в расчете на 10000 населения. Исследователи отмечают, что миграционный отток всегда повышает риски, связанные с потерями населения экономически активного возраста, квалифицированных кадров, «лиц, имеющих высшее и среднее профессиональное образование» [15, с. 117]. В настоящее время фактором, формирующим демографическую неопределенность, является пандемия коронавируса COVID-19, влияние которой на воспроизводство населения не может быть точно спрогнозировано. Несмотря на то, что пандемия коронавируса затронула большинство стран мира, однако невозможно предсказать характер и степень ее влияния на демографические процессы в каждой стране или регионе. В какой степени сложная эпидемиологическая ситуация повлияет на рост смертности сельского населения России или принятие отрицательного решения о рождении ребенка в краткосрочной перспективе? Как нам представляется, возможен рост смертности не только от инфекционных заболеваний, но и от болезней системы кровообращения, а также органов дыхания. Можно также предположить, что рождаемость сократится в краткосрочном периоде, однако позже возможен ее компенсационный рост. Важно отметить, что в период пандемии коронавируса COVID-19 и введения режима социальной самоизоляции началось «бегство из городов», возрос спрос на аренду загородной недвижимости и приобретение земли для индивидуального жилищного строительства, участились случаи переезда в сельскую местность и малые города. Поскольку режим удаленной занятости позволяет совмещать работу в крупном городе и проживание на территории сельских поселений, возможен миграционный приток населения в сельскую местность.

Построение сценарного прогноза изменения численности и структуры сельского населения РФ на период до 2049 г. Выполненный анализ тенденций рождаемости, смертности, колебаний миграционного оттока сельского населения и сложившейся структуры сельского населения по возрасту и полу позволил обосновать сценарные условия демографического развития села. Разработка среднесрочного прогноза и построение альтернатив-

ных сценариев изменения численности и структуры сельского населения выполнены на период до 2049 г. При обосновании рабочих гипотез в данном исследовании учитывались, во-первых, закономерности и тенденции воспроизводства населения сельских территорий; во-вторых, особенности возможного влияния реализованных государством мер активной демографической и социальной политики на демографическую ситуацию в перспективе; в-третьих, негативное влияние экономической рецессии в краткосрочном периоде и последствий пандемии коронавируса COVID-19. Кроме того, обобщены мнения экспертов в отношении демографических изменений в стране в кратко- и среднесрочном периоде, представленные в литературе [16].

Разработка прогноза базировалась на широко применяемом методе передвижки возрастов [17-19]. Поскольку методика детально обсуждалась в научных изданиях, в данной статье она не приводится. Теоретическую и эмпирическую основу составляет уравнение демографического баланса, включающее известные компоненты изменения численности населения. Моделирование выполнено в системе MathCad 14.0. с шагом в пять лет, использовались данные Росстата. Прогноз включает шесть сценариев: базовый, умеренно оптимистический, оптимистический с нулевой миграцией и те же варианты, но с учетом фактической сельско-городской миграции.

В основе базового сценария лежит предположение о неизменности возрастных коэффициентов рождаемости и смертности, которые сохраняются на текущем уровне до 1 января 2049 г., что позволяет сопоставить изменения, прогнозируемые другими сценариями. Обоснование умеренно оптимистического сценария опиралось на предполагаемый рост рождаемости в возрастных группах женщин 15-19 лет и старше 35 лет до 2028 г. с последующей их фиксацией до конца прогнозного периода. Следует отметить, что «постарение» возрастной модели рождаемости и сдвиг все большего числа рождений в сторону старших групп женщин репродуктивного возраста являются общей закономерностью демографического развития экономически развитых стран. Показатели смертности сельского населения умеренно сокращаются, однако возможен краткосрочный рост смертности в 2020-2021 гг. из-за пандемии коронавируса COVID-19 в 2020 г. и рисков «второй волны» зимой 2021 г. При разработке оптимистического сценария демографического прогноза учитывались влия-

ние мер государственной политики материального стимулирования рождаемости, а также целевые ориентиры национальных проектов. Как известно, Национальный проект «Демография»¹ содержит комплекс мер, направленных на повышение СКР в России до 1,66 к 2021 г. и 1,7 к 2024 г. В соответствии с этим СКР сельского населения может находиться в пределах 2,2–2,3 (2024 г.). На основе данных ориентиров рассчитывались общие и возрастные коэффициенты рождаемости сельского населения. К 2024 г. предполагается снизить младенческую смертность до 4,5 случаев на 1000 родившихся, а смертность в трудоспособном возрасте до 350 случаев на 100 000 населения. Рассчитанные в соответствии с данными ориентирами возрастные коэффициенты смертности фиксируются на достигнутом уровне до конца прогнозного периода. Как считают российские демографы, рост продолжительности жизни населения России возможен «за счет существенного снижения младенческой смертности и смертности населения в молодых трудоспособных возрастах» [2, с. 29]. Обосновывая сценарные условия изменения рождаемости в среднесрочном периоде, мы учитывали нелинейный характер динамики основных показателей рождаемости и краткосрочный эффект, а также затухающий характер влияния мер активной демографической политики.

Структура сельского населения России по возрасту и полу, сложившаяся к 1 января 2019 г., берется за «точку отсчета». В результате прогнозного моделирования получены численность по 18-и половозрастным группам сельского населения РФ, а также численность и удельный вес мужчин, женщин и сельского населения по отдельным укрупненным группам (моложе трудоспособного возраста, в трудоспособном возрасте, старше трудоспособного возраста). Результаты прогноза свидетельствуют, что численность населения сельских территорий России сократится с 37,3 млн. чел. (2019 г.) до 35,1–35,8 млн. в 2029 г. и 29,6–33,1 млн. чел. в 2049 г. При этом к концу прогнозного периода численность сельского населения может составить 79,4–88,7% уровня 2019 г. Наибольшие потери сельского населения прогнозируются на основе базового сценария, наименьшие – на основе оптимистического варианта, вероятность реализации которого наиболее низкая. Сценарии с нулевой миграцией моделируют возможную численность сельского населения в предположении повышения качества жиз-

¹ См. Национальный проект «Демография». Режим доступа: <http://government.ru/info/35559/>

ни в сельской местности, диверсификации структуры занятости и источников дохода разных социально-демографических групп населения, что способно сдерживать отток кадров из сельской местности. Примерно на 4,6-5,3% увеличится удельный вес сельского населения трудоспособного возраста в 2019-2029 гг. Однако к концу прогнозного периода число лиц трудоспособного возраста в возрастной структуре населения возрастет только на 0,8-3,2% по сравнению с 2019 г. Согласно оптимистическому варианту прогноза, удельный вес лиц трудоспособного возраста в структуре сельского населения сократится на 0,2-0,3%. Демографическая нагрузка на трудоспособное население сначала снизится с 884 чел. на 1000 трудоспособных (2019 г.) до 712-734 чел. (2039 г.), затем возрастет до 778-889 чел. (2049 г.).

Известно, что с 2019 г. действует Федеральный закон № 350, в соответствии с которым поэтапно повышается возраст выхода на пенсию: мужчин – с 65 лет, женщин – с 60 лет [20]. Повышение пенсионного возраста вызвало немало споров. Научные дискуссии в основном сводились к обсуждению условий достижения финансовой устойчивости пенсионной системы РФ. Ситуация осложнялась тем, что неблагоприятное соотношение между лицами трудоспособного и пенсионного возраста увеличивает демографическую нагрузку. Проблема демографического старения населения в развитых странах известна давно. С ростом доли пожилых людей увеличиваются и затраты на их содержание. Однако только на основе повышения возраста выхода на пенсию принципиально изменить соотношение между работающими и пенсионерами невозможно [21]. К тому же доля людей пенсионного возраста, занятых на рынке труда в настоящее время, не оказывает значительного влияния на динамику численности рабочей силы в РФ [21].

Результаты сценарного прогнозирования численности лиц трудоспособного населения в сельской России представлены на рис. 6. Данные прогноза показывают, что вместе с изменением возрастных границ в ходе пенсионной реформы увеличится численность лиц трудоспособного возраста и сократится число пенсионеров.

Как видно на рис. 6, численность сельского населения трудоспособного возраста к концу прогнозного периода (2049 г.) составит от 16,6 до 17,5 млн. чел., или 83,8-88,2% численности 2019 г. Пенсионная реформа позволит увеличить численность сельского населения трудоспособного возраста на 5,6-6,1 тыс. чел. к 2029 г. без учета

миграции и на 3,6-4,0 тыс. чел. с учетом миграционного оттока сельского населения. Однако после 2029 г. начинается сокращение численности лиц трудоспособного возраста по всем прогнозным сценариям.

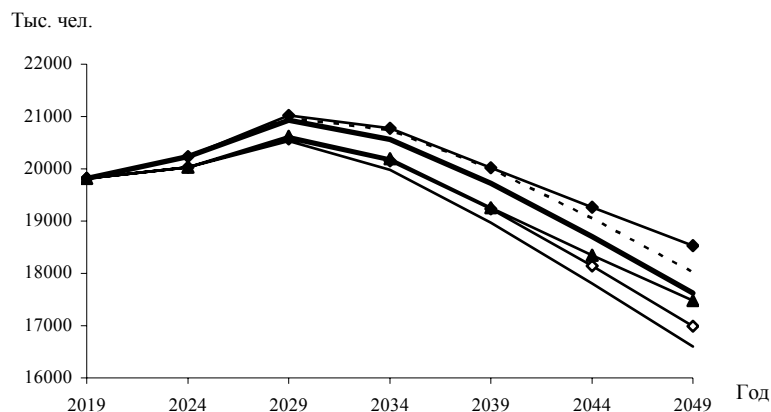

Рис. 6. Численность сельского населения в трудоспособном возрасте:
 — базовый; ---- умеренно оптимистический; —◆— оптимистический;
 — базовый с миграцией; —◇— умеренно оптимистический с миграцией;
 —▲— оптимистический с миграцией

В результате до конца прогнозного периода трудоспособное сельское население потеряет 11,8-15,8% своей численности. Всего с учетом миграционного оттока из села численность сельского населения трудоспособного возраста в 2029- 2049 гг. сократится примерно на 2,3-3,2 млн. чел. в зависимости от прогнозного сценария. Уменьшение численности лиц трудоспособного возраста для развития аграрной экономики и рынка труда будет иметь негативные последствия, обостряя нехватку кадров.

В результате проведения пенсионной реформы число лиц трудоспособного возраста, по прогнозным оценкам, увеличится в 2024-2029 гг., однако в дальнейшем будет неизбежно уменьшаться. Из-за повышения возраста выхода на пенсию по старости значительно сократится численность сельского населения старше трудоспособного возраста в 2020-2029 гг. (рис. 7).

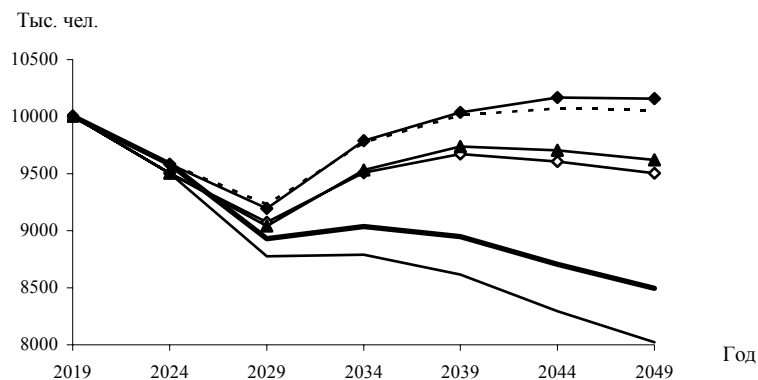

Рис. 7. Численность сельского населения в пенсионном возрасте:
 — базовый; ---- умеренно оптимистический; —◆— оптимистический;
 — базовый с миграцией; —◇— умеренно оптимистический с миграцией;
 —▲— оптимистический с миграцией

Прогнозные расчеты показывают, что до 2029 г. численность лиц старше трудоспособного возраста сократится примерно на 0,8-1,1 млн. чел. в предположении нулевой миграции и на 0,9-1,2 млн. чел. в сценариях с учетом сельско-городской миграции. Однако с 2034 г. прогнозируется рост численности сельского населения старше трудоспособного возраста. «Пенсионная реформа предусматривает не только поэтапное повышение пенсионного возраста, но и законодательную защиту интересов лиц предпенсионного возраста, расширив возрастные границы этой категории граждан до 5 лет, предшествующих достижению пенсионного возраста» [22].

Однако в настоящее время «предпенсионеры» сталкиваются с латентной дискриминацией, как при увольнении, так и приеме на другую работу. Кроме того, отмечается ухудшение их социального самочувствия из-за опасений потери работы. Лица, достигшие пенсионного возраста, также стремятся сохранить рабочее место и заработок из-за низкого размера пенсии. Важно отметить, что фундаментальную проблему демографического старения возрастной структуры села пенсионная реформа не решает, и социально-экономическое развитие сельских территорий в среднесрочной перспективе будет тормозиться демографическими ограничениями.

Сценарный подход к прогнозированию численности и структуры сельского населения позволяет оценить шесть вариантов

изменения числа лиц моложе трудоспособного возраста в 2024–2049 гг. Прогнозные расчеты показывают, что по всем сценариям, кроме оптимистического, численность сельского населения РФ в возрасте моложе трудоспособного будет уменьшаться до 2039 г. (рис. 8). Согласно оптимистическому сценарию, она сокращается только до 2034 г., а потом растет. В 2039 г. численность сельского населения моложе трудоспособного возраста составит примерно 5,1-6,1 млн. чел., а к 2049 г. прогнозируется рост до 5,2-6,3 млн. чел. (в сценариях с нулевой миграцией). Сценарии, учитывающие миграционный отток молодежи, прогнозируют сокращение численности этой возрастной группы до 4,9-5,8 млн. чел. за 2019-2039 гг. и небольшой возможный рост до 4,9-6,0 млн. чел. за 2039-2049 гг.

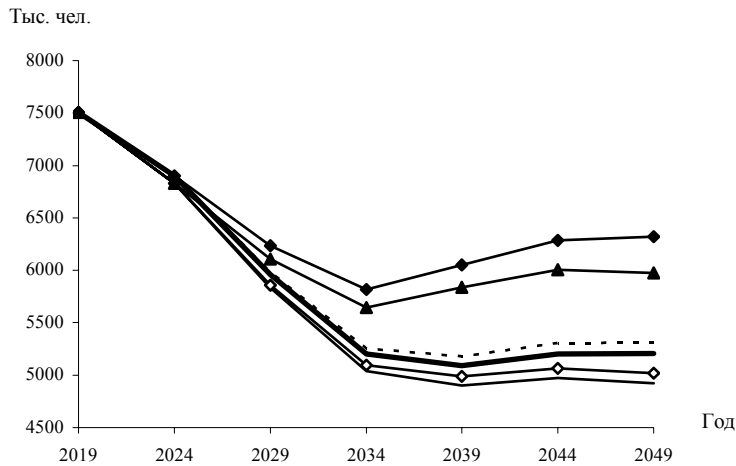

Рис. 8. Численность сельского населения моложе трудоспособного возраста
 — базовый; ---- умеренно оптимистический; —◆— оптимистический;
 — базовый с миграцией; —◇— умеренно оптимистический с миграцией;
 —▲— оптимистический с миграцией

Таким образом, в 2024-2049 гг. ожидаемые изменения численности и структуры сельского населения останутся неблагоприятными и будут определяться следующими тенденциями: во-первых, продолжится сокращение численности сельского населения России и демографическое старение села; во-вторых, несмотря на краткосрочный рост, сохранится устойчивый тренд сокращения численности населения трудоспособного возраста. Важно

отметить, что положительный эффект пенсионной реформы, проявившийся в краткосрочном росте численности сельского населения трудоспособного возраста, является временным, затухающим и не решает проблемы демографического старения села. Необходимо комплекс мер, направленных на повышение продолжительности здоровой жизни россиян, расширение сегмента профессиональной занятости старших возрастных групп населения. Приоритетом экономической и социальной политики государства должно стать повышение качественных характеристик работников села РФ, укрепление их здоровья, повышение уровня образования, квалификации, мотивации, что неизбежно потребует увеличения инвестиций в человеческий капитал. Эпоха «дешевого труда» в аграрном секторе экономики завершается, рост конкурентоспособности российского продовольствия на мировых рынках предполагает повышение производительности труда и качества рабочей силы. Только в этом случае аграрная экономика способна адаптироваться к демографическим ограничениям. Полученные прогнозные оценки могут быть использованы как для корректировки программ устойчивого развития сельских территорий, так и оценки эффективности мер государственной демографической и семейной политики.

Литература и информационные источники

1. Архангельский В.Н., Елизаров В.В. Демографические прогнозы в современной России: анализ результатов и выбор гипотез // *Научные труды: ИНИП РАН*. 2016. № 1. С. 524-545.
2. Архангельский В.Н., Данилова И.А., Дмитриев Р.В., Хасанова Р.Р. Перспективы демографического развития России до середины века // *Народонаселение*. 2017. № 3. С. 24-36.
3. United Nations. *World Population Prospects: The 2019 Revision*. URL: <https://esa.un.org/unpd/wpp/Down-load/Standard/Population/>
4. Демографический ежегодник России. 2019: Стат. сб./Росстат. М. 2019. 252 с.
5. Национальная продовольственная безопасность России: стратегические приоритеты и условия обеспечения / А.А. Анфиногентова, М.Ю. Мореханова и др. Саратов: Изд-во «Саратовский источник», 2018. С. 288-306.
6. Рау В.В. Продовольственный экспорт: курс на восток // *Проблемы прогнозирования*. 2018. № 1 (166). С. 56-67.
7. Anderson T., Kohler H.-P. Low Fertility, Socioeconomic Development, and Gender Equity // *Population and Development Review*. 2015. Vol. 41. № 3. P. 381-407.
8. Frejka T. The Fertility Transition Revisited: A Cohort Perspective // *Comparative Population Studies*. 2017. Vol. 42. P. 89-116.
9. Zeman K., Beaujouan E., Brzozowska Z., Sobotka T. Cohort Fertility Decline in Low Fertility Countries: Decomposition Using Parity Progression Ratios // *Demographic research*. 2018. Vol. 38. № 25. P. 651-690.
10. Антонов А.И. В строю научной школы фамилизма // *Вестник Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология*. 2019. Т. 25. № 4. С. 37-43.
11. Johnson, K.M. & Lichter, D.T. Rural Depopulation: Growth and Decline Processes over the Past Century // *Rural Sociology*. 2019. 84 (1). P. 3-27.

12. Блинова Т.В. Демографические угрозы и ограничения развития сельских территорий России // *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. 2018. № 2. С. 14-19.
13. Рыбаковский О. Л. Воспроизводство населения России: задачи, тенденции, факторы и возможные результаты к 2024 году // *Народонаселение*. 2020. Т. 23. № 1. С. 53–66.
14. Блинова, Т., Bylina, S. Rusanovskiy, V. Factors Affecting the Life Expectancy at Birth of the Rural Population in Russia // *J. Ponte*. 2020. Vol. 78 (1). P. 9-18.
15. Мотрич Е.Л., Найден С.Н. Миграционные процессы в социально-экономическом развитии Дальнего Востока // *Проблемы прогнозирования*. 2015. № 5. С. 108-118.
16. Архангельский В. Н., Елизаров В.В., Джанаева Н. Г. Эксперты о перспективах демографического развития России (результаты опроса 2016 г.) // *Научные труды ИНИП РАН*. 2018. С. 550-567.
17. Кондакова Н.А., Калачикова О.Н. Тенденции и перспективы демографического развития города Вологды до 2030 года // *Социальное пространство*. 2020. Т. 6. № 2. URL: <http://socialarea-journal.ru/article/28572>
18. Чистова Е.В., Чичканов В.П. Прогноз влияния повышения пенсионного возраста на демографическую структуру России // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз*. 2016. № 3 (45) С. 121-137.
19. Блинова Т.В., Былина С.Г. Сценарный прогноз численности сельского населения России на среднесрочную перспективу // *Экономика региона*. 2014. № 4. С. 298-308.
20. Федеральный закон от 3 октября 2018 г. № 350-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам назначения и выплаты пенсий». URL: <https://www.garant.ru/hotlaw/federal/1221724/>
21. Гринберг Р.С., Сафонов А.Л. Повышение пенсионного возраста в России, или как бюджетная мифология усугубляет социальное неблагополучие страны // *Журнал НЭА*. 2019. № 2 (42). С. 167-177.
22. Кузнецов С.Г. Методические подходы к оценке численности и половозрастного состава рабочей силы и занятых лиц предпенсионного возраста // *Научные труды ИНИП РАН*. 2019. С. 360-382.